

Артём Морс

Что музыка

Артём Морс

Что музыка

Москва
«Воймега»
2020

УДК 821.161.1-1 Морс
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
М80

А. Морс

М80 Что музыка / Артём Морс. – М.: Воймега, 2020. – 64 с.

ISBN 978-5-6044237-6-9

ISBN 978-5-6044237-6-9

© А. Морс, текст; 2020
© «Воймега»; 2020

* * *

Пока идёт заслуженный февраль,
пока ты долго переходишь поле,
мне своё сердце тёплое отдай,
оно не будет чувствовать неволи.

И если ветер пикой не пронзит,
и если снег с макушкой не засыплет,
я буду говорить: младенец спит,
не разбудите.

И так мы пересилим холода,
так тайной тропкой проберёмся к марту,
где нас возьмёт огромная вода
и смоеет с карты.

Мы поплывём за самый горизонт,
за далью-даль, за дважды-два-четыре,
где только бог отыщет, подберёт,
рассмотрит, оботрёт от пыли,
покрутит, что-нибудь шепнёт
и снова потеряет в мире.

* * *

С. В.

выпростались из темени
матери лона сна
комнатные растения
мёртвые имена

аглаонема скиммия
сцилла каламондин
кливия бугенвиллия
хойя эхмея мирт

гладкие лакированные
капсулы семена
снова рожают новое
корни растут до дна

что ты стоишь как вкопанный
смотришь в окно на снег
мятый ненужный скомканный
комнатный человек

Ночной этюд

Ночь приходит из тёмного леса
и приносит в дырявом мешке
золотое кольцо интереса
и луну на худом поводке.

Расступаются реки и горы,
звери прячутся, птицы молчат,
даже кухонные разговоры
превращаются в тихий чат.

Тишина повисает на нитке,
будто ёлочный херувим,
будет ночь до утра в избытке
песни петь малышам своим.

Папа курит и смотрит в окошко,
как на небо выходит луна,
скоро я подрасту немножко,
буду тоже курить у окна.

* * *

каждой весной в Сибири
в промежутке между таяньем снега
и цветением первых цветов
наступает время большого танца
танцующих поездов
только представь себе
каждый ну то есть буквально каждый
от маленького ребёнка до пожилого дяди
танцует в ритме собственной музыки
живущей в его в голове
личная музыка движет всеми
а некоторых даже поднимает над землёй

во время большого танца
в эпоху великого танца
когда единственно верным
и внутренне необходимым
оказывается лишь танец
будто это последнее
и самое нужное
что осталось на земле

и вот каждой весной
между последней горсткой снега
и первым распустившимся цветком
в Сибири наступает это важное время
время тёплого ветра
время большой свободы
и огромной любви

его трудно понять
но можно попробовать ощутить
выйдя из поезда
на перрон станции Тулун
23 апреля 2018 года
в 15 часов 13 минут

Путешествие

Мы едем:
за окном снега,
леса, поля, холмы,
дорога вьётся, далека,
ленивой ниточкой вьюнка,
мелькают то река Куда,
а то село Зады.

И всюду жизнь, и всюду край
земли и неба, где
идёт простуженный февраль,
и родина везде.

Мы знаем
северный уют
степного ветерка,
где песни долгие поют,
где самогон не морщась пьют,
где вместо слов по морде бьют,
если не мнут бока.

И просто всё, и сложно всё,
давно и навсегда.
Лежит земля, вода течёт.
И счастье, и беда.

Мы видим
прошлые века
и как молчит курган

о том, что нету языка,
чтобы сказать наверняка,
куда течёт река Куда
и где остаться нам.

* * *

Там, где улица Карла Маркса упирается прямо в реку,
где шагреневой кожей съёживается земля,
всегда находится место обыкновенному человеку,
которым можешь быть ты, или он, или я.

И вот мы выходим на набережную, полную скрытых смыслов,
где время течёт быстрее самого себя,
на берегах здесь царствуют молчаливые водяные крысы,
а в небе живут облака системы «воздух — земля».

На другом берегу временами гремит жестяная дорога,
вон электричка отправилась в свой недалёкий путь.
Кто там в Слюдянку едет? Первокурсница-недотрога
книжку сонно листает и боится уснуть.

Называй это местом силы или площадью отчуждения,
в шесть утра особой разницы не ощутить.
Когда сидишь здесь один в свой собственный день рождения,
кажется, что вот-вот поймашь какую-то нить.

Память ли вдруг подкинет какой-нибудь глупый случай,
или вдруг неожиданно умная мысль придёт.
Со стороны посмотришь — Господи, как я скучен,
а изнутри глядишь — всё вроде наоборот.

Так и сидишь один, пока вокруг не проснулись,
все неотложные мысли откладываешь на потом.
По левую руку в туман погружается остров Юность,
по правую руку река теряется за мостом.

Концерт

Лес вырос, вырос я. Отбрасывая тени,
протопанной тропой медлительно бредём.
Природа говорит на языке растений,
а насекомый хор стрекочет на своём.

Разложим этот шум на составные части,
расслышим, отделим простые голоса:
кузнечика тик-так, звук комариной страсти,
жучиное жу-жу, стрекозкино за-за.

Звучит, поёт, летит, без всякой партитуры,
невидимый оркестр, случайный персимфанс,
многоголосый мир, не знающий культуры,
симфонией своей бросается на нас.

* * *

1

из мягкого облака в душу пустую
на переходе в метро
я вспоминаю тебя молодую
большого мне не дано

правило жизни и правило смерти
верный единственный свет
как путешествие в тесном конверте
будто обратный билет

может когда-нибудь всё повторится
сложится скучный пасьянс
свет загорится выпорхнет птица
просто уже не для нас

2

вмятинка жизни камень простой
непробиваемый лёд
не уходи перестань постой
не доходи до ворот

оцепеневший жасминовый куст
двинуться сил не найдёт
листьев не сбросил полон и пуст
скоро придёт новый год

нет не заменят тебя не найдут
дальше придётся жить
как же тебя в самом деле зовут
имя своё скажи

* * *

Сначала дом снесли, потом на этом месте колодец вырыли для всех, кто хочет пить. Земля давала воду. Как же странно... И всякий человек мог пить её. А дом? Ну, дом — земля служила основой и ему. И люди жили. Потом его снесли. Людей не стало, зато колодец вырос из земли. Как странно — что важнее: человек, колодец или дом? Земля важнее. Что было б с нами, если б не она? И вот она, как мать, сперва рождает, даёт нам пить, и есть, и жить на ней, а после одеялом укрывает, на вечный сон укладывает спать. Утроба-мать, прими своих детей. Обрати. Всех. Не нужно им ни дома, ни колодца, они не заслужили. Сколько их — несносных, бестолковых, непослушных, всё время ссорящихся — было у тебя? За столько лет они не изменились и ничего не поняли. Зачем ты продолжаешь это? — Чтобы жить. Страдание не повод для отказа.

* * *

Рыба знает тайну смерти
и поэтому молчит.
Хоть поверьте, хоть проверьте —
сердце в рыбе не стучит.

У неё вместо сердца
бьётся чистая душа.
Ты её съедаешь с перцем,
а она жива.

* * *

взрослое животное входит в холодную воду
фыркает и плавёт
жизнь его похожа на непогоду
и одновременно на самолёт
вот он летит/плавёт и плавёт/летит
ветер его обнимает дождь его холодит
господи что происходит и почему всё так
господь не отвечает абонент потерял контакт
хочешь не хочешь приходится выбираться
из обстоятельств/времени/леса/тьмы
взрослое животное с животной грацией
выходит мокрое из воды

Загадка

ходит на двух ногах
носит солнце в руках
под ним на земле прах
над ним бог в облаках
в сердце его страх
море в его глазах

В автобусе

«Не знаю, как дойду до дому,
устала, больше не могу», —
говорит она в трубку,
даже не осознавая,
что начинает
моё стихотворение.

«Алё-алё, ты дома? Я уже
освободился, еду, скоро буду!» —
продолжает другой
и, переходя на шёпот,
добавляет: «Целую, мышка».

«Что ты опять начинаешь?»
«Ну неужели не ясно?»
«Я же ни в чём не виновна».
«Да замолчи ты уже!»
«Милая, хватит, ну хватит...»
«Купи, пожалуйста, хлеба.
И молока и сыра»
«Я же сказал: приеду,
приеду, как только смогу».
«Что же мы будем делать?»
«Как это всё непросто».
«Тут ужасная пробка!»
«Кажется, я опоздал».
«Что мне ещё остаётся?...»
«Я не смогу так больше».
«Брось ты эту затею».
«Сделай же что-нибудь!»

«Уважаемые пассажиры! —
произносит на весь салон
вежливый женский голос. —
Это конечная остановка.
Будьте внимательны,
не забывайте вещи,
берегите друг друга,
храни вас Господь».

Двери открываются,
автобус пуст.

* * *

Из подворотен, драк, пустых бутылок,
квартир, вокзалов, огородных грядок
выскальзывали, как простой обмылок,
развеивались, как сухой остаток.

Разбавленным вином струилось время,
десятилетиями не приходила почта,
и выросло другое поколение
и на земле обосновалось прочно.

На сквозняке не заболеть деревьям,
реке, не уставая, течь веками.
Эпоха-прялка спрашивает: где я?
Цыганка-память отвечает: с нами.

* * *

Расширяю бизнес.
Ищу амбициозных партнёров
для развития перспективной компании.
Если вы находитесь в поиске
дополнительного дохода,
не бросая то,
чем сейчас занимаетесь,
или в декретном отпуске
и открыты
к новым возможностям
и знаниям,
то моё предложение для вас!
Интересуют люди,
готовые обучаться
построению собственного бизнеса
с помощью сети Интернет!
Предоставляю готовую
бизнес-систему
бесплатно!
От вас — ответственное отношение к делу!
Желание развиваться и действовать!
По всем вопросам пишите в личку:
«Хочу узнать подробности».

* * *

Новость разлетелась довольно быстро.
Уже к обеду, казалось, знал весь город:
умер известный, заслуженный журналист.
Гражданская панихида состоится там-то,
администрация выражает глубокие
соболезнования родным и близким.
Официальное письмо с некрологом
пришло и ему – его электронная почта
была во всех рассылках.
Да и потом ещё долго
на e-mail покойного
сыпались пресс-релизы,
пока наконец от него
не стали приходить ответы.
С единственной фразой
на английском языке:
«Ящик переполнен».

* * *

настенные часы остановились
уже несколько дней назад
и теперь всё время показывают
половину девятого
я не спешу сменить батарейку
мне нравится посматривать на них
сидя глубоко за полночь
и думать ещё полно времени
ещё рано ложиться спать
с другой стороны по утрам
во сколько бы я ни проснулся
мне всё время нужно срочно
выходить из дома
потому что пора на работу

* * *

В принципе меня всё устраивает,
за исключением некоторых вещей.
Вот, например, это дребезжание...
Вы же все его тоже слышите?
Как нет?..
Ну вот же, прямо сейчас,
прислушайтесь.
Что, правда не слышите?
Ну ладно...

* * *

Н. Я.

Подобно тому как вампиры
не отражаются в зеркалах,
стрижи обладают удивительным свойством —
не проявляться на фотографиях.
Сколько их ни фотографируй,
их нет на снимках.
Хотя на самом деле...
Неужели стрижи —
это маленькие вампиры?
Прилетают и пьют по капле
кровь моего лета.

На репите

пересматриваешь понравившиеся видео
от первого до последнего кадра
рассчитываешь увидеть чего не видел
но на деле видишь всё то же
ничего нового ничего нового ничего нового
подобно тому как шутки становятся несмешными
а слова теряют смысл если их повторять
но почему-то кажется что мы до сих пор живые
если мы смотрим видео если мы смотрим видео
если мы смотрим видео
на репите

* * *

Купил футболку, потому что похожа на белый шум:
непроходимые помехи неработающего телевизора.
Ношу с гордостью и затаённой усмешкой –
как метафору моего внутреннего состояния.
Не принимаю сигнал.
Ничего не вижу.
Ничего не слышу.
Ничего никому не скажу.

* * *

Написал стишок.
Но есть определённые сомнения.
Имеет ли такое право на существование.
Или всё это уже страшно устарело,
было давно написано, сказано, услышано,
зачитано до дыр и забыто.
Неинтересно, скучно, вторично, избито.
И так далее и тому подобное.
Нет, больше никогда не буду писать стихи.
Да и этот удалю.

* * *

Проснулся с глубочайшего похмелья.
Включил компьютер, зашёл в соцсети:
сотни уведомлений.
Какая-то юная барышня
лет семнадцати
поставила лайки всем моим стихам.
Перечитал написанное.
Разрыдался.

* * *

Был капитаном атомной подводной лодки.
В рейсах сочинял философские афоризмы.
Бывало, по пятьдесят штук в день.
За несколько лет написал четыре тома.
Принёс в редакцию.
Ничего не взяли.

* * *

Ангелы божии
на полустанке небесном
в ожидании электрички
пьют вино из высоких бокалов.
«Вот бы сейчас, —
говорит один, —
хлеба и зрелищ».
А другой ему отвечает:
«Ты что, debil?!»

* * *

Алексей Давидович Алёхин
однажды сказал мне:
«Вы пишете хорошие стихи, Артём,
но проблема в том,
что хорошие стихи никому не нужны».
Ну, сказал и сказал. Как оказалось,
он много кому так говорил –
это вообще была
его дежурная фраза,
которую он использовал постоянно,
когда ему было лень копаться в чужих текстах.
Он-то сказал и забыл,
а я-то живу и помню
и не могу представить,
что же мне делать дальше,
куда пойти и как жить вообще
с моими
хорошими
стихами...
В «Арион» меня не возьмут –
где я, а где «Арион»...
Единственный выход –
публиковаться в артели
«Напрасный труд».

* * *

Кроме всего вышесказанного,
хотелось бы сообщить нижеследующее:
поскольку всё
когда-либо произнесённое вслух
уже не является новостью
и поэтому не имеет почти никакого смысла,
то, как бы это выразиться помягче,
лучше помолчать. Лучше помолчать.
Лучше помолчать.

Похороны (учёт покойников)

1

хоронили в лютый мороз
когда прощались
чуть не опрокинули гроб
не было слёз

2

как хоронили не помню
а когда поминали
дядя и говорит тихонько
ты чо сюда жрать пришёл?
а потом с добродушной улыбкой
да кушай кушай шучу
и вытер руки о штору

3

хоронили в закрытом
потому что искали искали
и нашли через месяц в канаве
с выклеванными глазами
отец старался держаться
рассказывал анекдоты

4

как хоронили не помню
помню как отпевали
в маленькой тихой церкви
красивую и молодую
двенадцать ножевых ранений
из-за нескольких тысяч
копила деньги
на билет домой из Москвы
работала стриптизёршей
параллельно писала пьесы
домой вернулась
в цинковом гробу

5

хоронили после внезапной
трагической глупой
тринадцать человек в машине
девушка за рулём гравийка
перевернулись несколько раз
погиб один самый весёлый
пришло столько друзей
что не вместились в зал
человек триста не меньше
многие плакали
было действительно жаль

6

хоронили после тяжёлой и долгой
мучительной и для неё
и для всех остающихся
дело семейное
взрослый сын рыдал в голос как баба
а остальные
покончив с формальностями
уехали отдыхать

7

продолжение следует

* * *

Кровью своей золотой,
липовой мягкой кожей
вышел из сердца герой,
ни на кого не похожий.

Вышел как будто чужой,
ласковый и некрасивый,
с донкихотовской бородой,
плюшевой страшной силой.

Кто он такой – как снег
на голову упавший –
маленький человек,
недоедавший каши?

Может быть, великан,
пальцем свернувший горы?
Пусть он расскажет сам –
выслушать мы готовы.

Лес

Берёзы трёхэтажный дом,
тропы просторной автострада,
болото — тоже водоём,
кустарник — он навроде сада.
Здесь можно жить! Впусти нас, лес!
Мы будем милыми, как дети.
Открой нам шкаф своих чудес,
мы очень любим игры эти.
Но лес молчит, как старый дед,
как будто слышать нас не хочет.
Ну знаешь, это не ответ —
мы остаёмся тут до ночи.
А ночью страх, а ночью мрак,
а ночью жуть как интересно.
В таких таинственных местах
мы не бывали, кроме леса.
И свет не включишь — лампы нет,
одни космические звёзды,
а лес ворчит, как старый дед,
вид у него почти что грозный.
Да он храпит! А мы куда?
Куда из леса нам деваться,
неужто заблудились, братцы?
И тут мы понимаем: да!
Куда бежать — повсюду лес,
такого мы не ожидали,
умножились лесные дали,
деревья встали до небес.

Там шорох, здесь ночная птица,
там ветка хрустнула впотьмах...
О, жизни чёрная страница!
О, сжавший горло жуткий страх!
Нам стало тошно. Лес, дружочек,
ну, отпусти же нас домой...
Нам холодно и жутко очень,
мы здесь погибнем, боже мой!
Но лес лишь буркнул нам в ответ:
«Нет!»
Так, растворясь в ночном кошмаре,
не видя выхода в другом,
мы населеньем леса стали:
кто мхом, кто птицей, кто кротом...
Нас обняла навек природа,
нас проглотил могучий лес.
И вдруг мы поняли: свобода
на свете есть.

В поликлинике

Очень много на заборе крови
маленьких детей.

Вот они толпятся в коридоре,
просятся на руки матерей.

Ничего, уколуют — и отпустят.
Вместе с кровью вытечет слеза.
На устах выходят с прозой Пруста,
с мунковским отчаяньем в глазах,

с музыкой Бетховена на сердце,
с грустью Станиславского в груди,
отворилась маленькая дверца —
Господи, спаси... и огради.

* * *

Прочитано, смято и выброшено,
но что-то впитала душа,
так рыба, хотя и выпотрошена,
смотрит на нас не дыша.

Так замок разрушенный, брошенный
из кубиков на полу,
приснится игрушечный, крошечный,
но победивший тьму.

Из Тмутаракани памяти
всплывают и стыд и страх,
но вот уже замок каменный
привидится в облаках.

Карманная мелочь плещется,
как рыба, попавшая в сеть,
во имя всего человечества
она должна умереть.

* * *

Д. Д. Итигэлову

Мне однажды сказали:
«Когда-нибудь ты
собственными глазами
увидишь чудо.
Жизнь способна по-настоящему удивить,
когда нарушает собственные законы».
Я не поверил,
как не верю ни во что —
мистическое, религиозное, сказочное...
Я человек скучный.
Однажды я видел мужчину,
сидящего в храме
в одной позе
много-много лет.
Он не был ни жив ни мёртв.
Молчал, но его слышали.
Отсутствовал, но был с нами.
«Это чудо!» —
говорили одни.
«Это невозможно!» —
подхватывали другие...
Какое же это чудо?
Мы ведь знаем, что есть вода,
у которой нет ни начала, ни конца.
Есть ветер, для которого нет границ.
Есть огонь, способный победить всё.
Есть земля, чья мудрость
настолько огромна,
что ей не нужны ответы,
потому что не существует вопросов.

А разве человек не часть природы?
Разве в нём нет воды,
земли, ветра и огня?
Разве это не закон жизни?
Зачем же его нарушать?

* * *

1

что музыка когда повсюду жизнь
любовь и смерть сомнения и знаки
простая вещь становится душой
всё прочее рождается из звука

всё хорошо что тлеет не спеша
выходит свет на долгую дорогу
помимо нот есть голос и лицо
зачем оно притягивает звуки

скрип лестницы святая простота
дыхание распахнутые окна
просторней неба нету ничего
и тишина распахана как поле

что музыка когда придёт она
не будет ничего что было прежде
закроется вселенная и скажет
пойдём смотреть как шумно пьют цветы

2

но если говорить о музыке всерьёз
что нужно ей
смиренной беспощадной
коварнейшей как ядовитый газ
сомнение терпение отвага
вот это всё что есть внутри любого

что музыка когда её в слова
оденешь точно куклу
пластмасса да и только
потому
ни слова больше
слушай тишину

* * *

С тех пор как ты уехала из города,
я всё время вижу тебя на улицах:
то мелькнёт и скроется за углом
подол твоего пальто,
то в случайной толпе почудится
твоя походка,
а вчера – я совершенно уверен,
что видел в окне трамвая
твоё лицо.
Не окликнуть, не догнать, не спросить.
Боже, какого чёрта?!
Что за дурацкие шутки?!
Зачем ты заполнил целый город
тем, кого нет и не может быть?
Ни окликнуть, ни догнать, ни спросить...

* * *

всё хорошо
насколько это возможно
горе всегда подкрадывается осторожно
незаметно исподволь издалека
а пока пока
кучевые хорохорятся облака
отражает их медленная река
их цепляет удочка рыбака
и вмещает твоя рука

* * *

М. Х.

На нашу стальную свадьбу
я дарю тебе нож.
Чтобы ты, если захочешь,
могла меня им убить.
Обещаю,
что не буду сопротивляться.

* * *

Я всё забыл. Мне нечего сказать.
Избавь меня от этой пустоты.
Вот было время... Вот оно опять.
Идёт, и у него твои черты.

Постой, остановись-ка, дай тебя
как следует запомнить, рассмотреть.
Возможно, правду люди говорят
про то, что память побеждает смерть.

Но даже если так, то что с того,
зачем она, когда на свете пусто?
Я ничего не помню, никого.
Куда важнее памяти искусство.

Смотрю в окно, оно вмещает всё,
всю милость мира, искренность и нежность,
стихи, кино и эту... как её,
и музыку, и музыку, конечно.

* * *

двадцать лет пролетели как
будто не было их смотри
вот всё тот же родимый знак
и всё та ж красота внутри

будто не было ничего
всяких радостей бед невзгод
постарели немного но
будто длится всё тот же год

где мы молоды где мы дни
не умеем считать и вот
смотрим мы с фотографии
посчитай уж двадцатый год

ты как в зеркало посмотри
будто не было этих лет
потому что всё впереди
потому что времени нет

* * *

В Москве ли, в Курске ли, в Иркутске,
бессмысленно перечислять,
я родился и жил в искусстве,
так в нём и буду умирать.

Всё едет, едет мироздание
который день, который год,
придётся верить расписанию,
хотя оно, конечно, врёт.

На дальней станции попросят
сойти. И я сойду на нет.
Вычёркивают или вносят? —
хотелось бы мне знать ответ.

* * *

Уже почти вошло в привычку
не спать полночи, вот опять...
Стихи — ночная электричка:
отходит в час, приходит в пять.

И вроде бы всё как обычно —
весь день назавтра хочешь спать.
Стихи — больная электричка:
лечить, снотворное давать!

Представь, что всё это в кавычках:
чужой багаж, ручная кладь.
Стихи — пустая электричка,
но вот она слышна опять.

Стучит в висках, кричит по-птичьи,
гремит и не даёт уснуть —
моя любимая электричка,
вези меня куда-нибудь.

* * *

Помнишь, как мы тусили на улицах Амстердама —
у каждого в сумке было не меньше грамма
отборной голландской дури,
а спорили почему-то о русской литературе.
Ходили к каким-то арабам за шаурмой,
помнишь, как было тепло в Европе зимой?
Январь или что-то типа,
а всюду зелёная трава и никакого гриппа,
даже дети без шапок, все на велосипедах,
помню, и сами мы ходили чуть ли не в кедах.
Музеи, концерты, церкви, красные фонари —
всё было так непривычно, куда ты ни посмотри.
Кругом красота, культура, праздник и карнавал...
А помнишь, как мы припёрлись на какой-то канал?
Выпили, сели, посмотрели друг другу в глаза.
Ты стал серьёзным и вдруг сказал:
«Знаю тебя давно, но никогда не знаю,
что ты за человек, какой-то необитаемый,
никогда не пойму, кто ты вообще и где...»
Потом ты упал в меня и пошли круги по воде.
Помню ещё, как потешно спасатели тебя доставали,
но именно в тот момент мы наконец совпали.

* * *

Переведи через шумную реку
шёпотом на чужой язык,
аще слова твои слаще млека,
кто потом будет помнить их?

Аще слова твои, как объятья,
облаком обволокут, любя,
кто их наденет потом, как платье,
не вспоминая вотще тебя?..

* * *

Это самое... личное дело,
изучая которое, ты
никогда не дойдёшь до предела,
не достигнешь другой стороны.

Докопаешься вряд ли до сути
и не вынесешь верный вердикт
никогда, потому что, по сути,
это просто большой черновик.

Он клубится лозой винограда,
разбегается ртутной водой,
и из этого круглого ада
никому не вернуться домой.

Потому что заходит под кожу,
потому что выходит уже
через поры – отчётливей, строже
на последнем своём этаже.

* * *

Б. П.

Ещё не осветило полностью
деревню августовским солнцем,
качались на верёвке простыни,
шумели за оградой сосны.

Сон отлетел, как привидение,
я вышел посмотреть на звёзды,
на их мерцание, движение,
на их сияние сквозь слёзы.

И что-то чудилось нездешнее,
что без конца и без начала,
как будто музыка небесная
в рассветном мареве звучала.

А этот свет пунцовый, истовый,
как будто сам собою созданный,
всё рос и ширился, как истина,
и наполнял окрестный воздух.

Потом залаяла собака,
проснулся сын, и мы без повода
читали «Август» Пастернака,
и не хотелось ехать в город нам.

Позавтракали, вышли из дому
и побрели до леса тихо.
Туман рассеивался исподволь,
и вспыхивала облепиха.

Мы шли вдвоём навстречу осени
сквозь время и пространство лета,
и август провожал вопросами,
не требующими ответа.

* * *

Сначала зима была какая-то стрёмная,
потом весну взяли и отобрали,
летом вообще хрен его знает что будет,
да и осенью не факт, что наладится...

В детстве мама часто мне говорила,
когда хотела как-то меня утешить,
если я расстраивался или плакал:
«Антоша, дальше будет только хуже».

Спасибо, мама, за веру в будущее
и уверенность в завтрашнем дне.

* * *

Сквозь этот холод, космос, пустоту
растёт зерно, и вместе с ним растут
цветок и дерево, отвага и тревога,
передо мной растёт моя дорога,
и тень моя, и всякая судьба
готовит всем по росту короба.
Метёлочка метёт, а ветер носит,
и в голову уже надуло проседь...
Простая жизнь, простая, как вода, —
течёт, не утекает никогда.
Горит-горит холодная звезда.

* * *

В подробных сумерках дробится,
переливается вода,
блестит, как белая страница,
тарелка стылого пруда.

Луна плывёт, как на ладони,
рифмуется сама с собой,
и кажется, что пруд бездонен,
как этот космос голубой.

Всё замерло, но сердце бьётся,
вселенной убыстряя ход,
и лес стоит, не шелохнётся,
а воду оторопь берёт.

* * *

бабочку комара
с лёту съедает стриж
просыпаться пора
а ты всё ещё спишь

ну же открой глаза
август не станет ждать
прилетит стрекоза
сядет в твою кровать

многое не вернуть
прочее не отнять
каждый пройдёт свой путь
чтобы в конце понять

бабочка стрекоза
это такой закон
просто открой глаза
не прерывая сон

Содержание

«Пока идёт заслуженный февраль...»	3
«выпростились из темени...»	4
Ночной этюд	5
«каждой весной в Сибири...»	6
Путешествие	8
«Там, где улица Карла Маркса...»	10
Концерт.	11
«из мягкого облака в душу пустую...»	12
«Сначала дом снесли, потом на этом месте...»	14
«Рыба знает тайну смерти...»	15
«взрослое животное входит в холодную воду...»	16
Загадка	17
В автобусе	18
«Из подворотен, драк, пустых бутылок...»	20
«Расширяю бизнес...»	21
«Новость разлетелась довольно быстро...»	22
«настенные часы остановились...»	23
«В принципе меня всё устраивает...»	24
«Подобно тому как вампиры...»	25
На репите	26
«Купил футболку...»	27
«Написал стишок...»	28
«Проснулся с глубочайшего похмелья...»	29
«Был капитаном атомной подводной лодки...»	30
«Ангелы божи...»	31
«Алексей Давидович Алёхин...»	32
«Кроме всего вышесказанного...»	33
Похороны.	34
«Кровью своей золотой...»	37
Лес.	38
В поликлинике	40

«Прочитано, смято и выброшено...»	41
«Мне однажды сказали...»	42
«что музыка когда повсюду жизнь...»	44
«С тех пор как ты уехала из города...»	46
«всё хорошо...»	47
«На нашу стальную свадьбу...»	48
«Я всё забыл. Мне нечего сказать...»	49
«двадцать лет пролетели как...»	50
«В Москве ли, в Курске ли, в Иркутске...»	51
«Уже почти вошло в привычку...»	52
«Помнишь, как мы тусили...»	53
«Переведи через шумную реку...»	54
«Это самое... личное дело...»	55
«Ещё не осветило полностью...»	56
«Сначала зима была какая-то стрёмная...»	58
«Сквозь этот холод, космос, пустоту...»	59
«В подробных сумерках дробится...»	60
«бабочку комара...»	61

Артём Морс. Что музыка

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 25.09.2020
Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 4.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6044237-6-9

9 785604 423769

Артём Морс родился в 1982 году в Красноярском крае. Окончил филологический факультет Иркутского государственного университета, Литературный институт имени А. М. Горького. Автор книг стихов «Из этого темнеющего сада» (2006) и «Другими словами» (2014). Стихи публиковались в журналах «Дружба народов», «Футурум АРТ», «Плавучий мост», «Сибирские огни», «Сибирь», «Байкал», «ЛиТERRА-тура», альманахах «45-я параллель», «Иркутское время», «Зелёная лампа», «Тверской бульвар, 25», «КУБ», «Паровоз» и др. Член Союза российских писателей. Живёт в Иркутске.

ISBN 978-5-6044237-6-9

9 785604 423769